

СЕРИЯ «ДИНАСТИЯ»

И ДАРОВАНА
БЫЛА СВОБОДА

Коллектив авторов

И дарована была свобода

Издательство «Четыре»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Коллектив авторов

И дарована была свобода / Коллектив авторов — Издательство
«Четыре», 2026

ISBN 978-5-908165-89-1

Что делает человека свободным — отсутствие стен или способность идти, когда страшно? Авторы сборника «И дарована была свобода» отвечают на этот вопрос по-разному. Здесь свобода оборачивается то исповедью, то выбором, то правом остаться собой. Поэт задыхается без воли и слагает строки как молитву, вдова отказывается от «краденной» любви, девочка рисует свет, пока взрослые делят звания, мать молится о сыне, ушедшем в бой. Для героев на этих страницах свобода не лозунг, а ежедневный выбор: сказать, простить, уйти, вернуться. Это книга о том, что настоящая воля начинается внутри, и о цене, которую за неё платят.

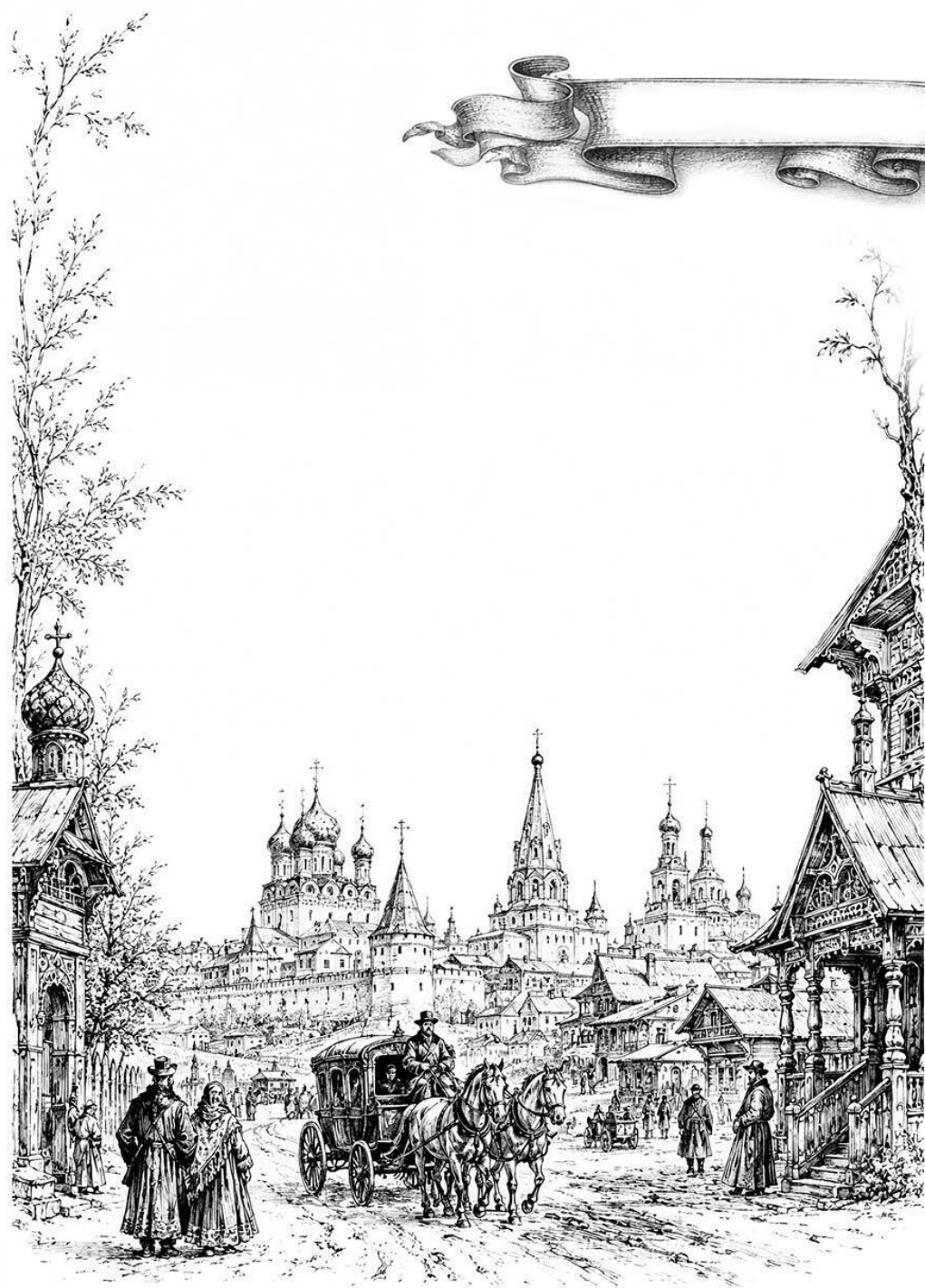
УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-908165-89-1

© Коллектив авторов, 2026
© Издательство «Четыре», 2026

Содержание

Мария Виниченко	6
Душа поэта	7
Карта бита	8
Жизненный путь	9
Простая девочка	10
Новая эра	11
Русская душа	12
Татьянаа Джаханви	13
Отрывок из книги «Голос Камня»	14
Тайна Дао	14
Шаг за пределы круга	14
Таковы слова, выжженные на свитке Огненной Пещеры.	15
Хранящий их – хранит равновесие мира	
Виктор Дроздов	17
Русь, вперёд!	18
Я иду на Вы	19
Одуванчики-стихи	20
Возьмите с собою, цыгане...	21
Если жить, не грешить...	22
Живите счастливо!	23
Екатерина Евстигнеева	24
Избранный и одинокий	25
Вдохновение	26
Герой	27
Ольга Заборская	28
Последний вагон	29
Глава 1	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Коллектив авторов И дарована была свобода

© Издательство «Четыре», 2026

Мария Виниченко

Поэтесса, член Российского союза писателей, секретарь Ставропольского регионального отделения Российского союза писателей. Автор персонального поэтического сборника «Всего лишь капля света». Участник более 15 коллективных сборников различных регионов страны. Награждена медалями Российского союза писателей «Александр Блок: 145 лет» и «Святая Русь» за вклад в развитие русской литературы, совместно с Российским императорским домом звездой «Наследие» III степени за литературную деятельность в духе традиций русской культуры. Член литературно-творческого объединения «Генезис счастья» города Ставрополя.

Душа поэта

Душе поэта не сидится в клетке –
Ей хочется над городом летать
И вольным птицам, что сидят на ветке,
Бесстрашно во весь голос подпевать.
Душе поэта хочется любить
И быть любимой хочется в ответ,
Охота мир в объятия заключить
И наблюдать, как нежный солнца свет
Легко преображает всё вокруг,
Свободно воплощая все мечты.
И вот пред нами зеленеет луг,
И сердце радуют прекрасные цветы.
Ещё чуть-чуть, и я опять вернусь,
Чтоб снова вместе с птицами летать,
Ну а пока – от грёз своих проснусь
И буду с небом новой встречи ждать.

Карта бита

Не надыхаться мне свободой,
не надыхаться –
ведь от неё строкою ровной
стихи ложатся,

и верить хочется любви,
как веришь чуду,
и находить, как дух цветов,
её повсюду.
И согреваться пеньем птиц
и солнца лаской –
свобода смело воплощает все мечты
волшебной сказкой.
И днём, и ночью в душу дверь
мою открыта,
И не страшат её ни горечь, ни печаль –
их карта бита.

Жизненный путь

Там, где горы в объятиях неба,
Где душа отдыхает от быта,
Там, где с былью встречается небыль,
Горечь давних обид позабыта,

Там река своим бурным потоком,
Проявляя характер мятежный,
Сердце вновь возвращает к истокам –
В город детства, задорный и нежный,

Где умели дружить мы всерьёз,
Быть собой, а не кем-то казаться.
Нам теперь с этим городом грёз
Только здесь суждено повстречаться.
И с вершин уже прожитых лет
На себя по-иному взглянуть,
Чтоб найти затерявшийся свет
И продолжить свой жизненный путь.

Простая девочка

Я наконец-то не принцесса,
И нет нужды в неё играть.
Простая девочка. Из интереса
Порой стремлюсь стихи писать.

И мне порой бывает больно,
И, как и все, могу грустить,
Но этой ролью я довольна –
Самой собой мне легче быть.

И ждать не надо одобрений –
Живу, как чувствую, дышу.
Да, я простая. Да, не гений,
И жизнь по-своему пишу:

Сменяя радость и невзгоды,
Легко, как лист календаря,
Неспешно проживаю годы,
Но ощущаю, что не зря.

Не зря тревожу мирозданье
Потоком чувственных идей –
Они находят понимание
И отклики в сердцах людей.
А значит – должное случится,
И этой правды не отнять –
Самой собой нельзя родиться,
Собою можно только стать.

Новая эра

Верь в хорошее, девочка, – сбудется,
Нужно только чуток подождать:
Всё плохое в итоге забудется,
Будешь жизнью, как прежде, дышать.

Верь в любовь, свои сны и весну,
Понемногу расти свои крылья –
Это кажется лишь, что в плену
Бесполезны любые усилия.

А ты, девочка, верь, невзирая на всех –
Пусть опорой в делах тебе служит лишь вера.
Тсс... Ты слышишь? Вдали разливается смех –
Так рождается новая эра.

Время чистых сердец наступает,
Только верь мне, и сбудется это –
В душах лёд наконец-то растает,
И наступит желанное лето.

Русская душа

До чего же глубока ты,
русская душа!
Всё в тебе: простор степей,
шелест камыша.
Песня ветра в октябре,
что звенит листвою.
Буйство горных рек, морей,
Снежных гор покой.
Радость всех столетий,
всех веков печаль.
Все твои тепло и нежность
Защищает сталь.
Всё в тебе: добро и совесть,
доблесть, гордость, честь...
Много есть в тебе достоинств –
Всех не перечесать.
Но одно из них особо
Я в тебе люблю –
Не предашь и не продашь ты
Родину свою.
Колыбель твоя – Россия,
Русь – родная мать.
Это то, что не забыть нам,
То, что не отнять.
И пока враги лютуют,
Процветай, страна!
Ведь души моей отрада
Только ты одна.

Татьяна Джаханви

Писатель и странница между мирами. Её жизнь проходит на стыке стран, культур и состояний сознания. Она пишет под псевдонимом, сохраняя право на невидимость. Её дебютная книга «Седна», основанная на арктической экспедиции, стала первым шагом в исследовании свободы, страха и внутреннего выбора. В её книгах важнее не сюжет, а движение души и момент, в котором решается судьба. Татьяна работает над циклом мистических книг о соединении человека с душой через призму философии, древних культур и духовных традиций. Для неё слово – живая сила, способная оставить след в душе читателя. Она не предлагает учений, а лишь открывает дверь, за которой тишина возвращает человека к собственной целостности.

Отрывок из книги «Голос Камня»

Тайна Дао

С самого первого вдоха человек знакомится с материальным миром. Он развивает в себе способности говорить и слушать других людей, животных, музыку, природу, видеть предметы и другие образные проявления материального мира, чувствовать запахи, прикосновения и боль. Человек учится радоваться и огорчаться, смеяться и плакать, шаг за шагом он начинает взаимодействовать с этим плотным Миром, опираясь на пять своих земных стражей – органы чувств, и незаметно для себя человек заключает с реальностью негласный договор: «То, что можно потрогать, – есть. То, чего нельзя, – не существует».

С самого детства ребёнка фиксируют в трёхмерной картине физического Мира. Основная масса людей убеждена в незыблемости окружающей их реальности. Мы привыкаем считать её единственно возможной: дом-работа-сон-развлечения – круг замыкается, повторяясь день за днём, как вытоптанная тропа. И пока человек смотрит только наружу, его желания вращаются в одном и том же колесе: выжить, закрепиться, обладать.

Люди не осознают, что включены в круговорот рождения и смерти, словно белка в колесе. Когда же человек начинает заниматься своим развитием и встаёт на путь самосовершенствования и духовного роста, он осознаёт, что Мир физический является лишь проявлением или эманацией Мира энергетического и информационного...

Шаг за пределы круга

Но однажды у людей в груди просыпается тихое упрямое «нет».

Нет вечному повторению. Нет пустой суете. Нет жизни, которая проходит мимо.

Такой человек начинает задавать вопросы: «Кто я? Зачем я здесь? Почему всё повторяется? И отчего мне так больно?»

И тогда тонкая завеса обычности слегка колыхнется, и становится видно: физический мир – лишь плотная тень, отражение более тонких уровней. То, что мы называем «твёрдым», соткано из невидимого движения – энергии и информации, как ткань из невидимых нитей. Это и есть начало внутренней алхимии: когда человек перестаёт быть только результатом чужих договорённостей с реальностью и становится тем, кто может их переплавлять. Запускается невидимый процесс: старые убеждения начинают распадаться, ментальные блоки ослабевают, боль медленно отделяется от подлинного «Я», и появляется тонкая, почти невесомая нить – возможность выбора.

До нас доходят истории о людях, которые живут иначе.

О тех, кто разворачивает свою жизнь не к вещам, а к звуку собственной Души.

О тех, кто занимается внутренними практиками, алхимией сознания, кто шаг за шагом выходит за пределы привычного круга.

Таких людей издавна называли носителями Тайны. Они не выставляли свои знания напоказ и передавали их в особых кругах: в мистериальных школах, закрытых братствах, уединённых монастырях и горных обителях. Их Путь похож на тонкую тропинку между мирами.

К числу таких путей относятся и практики даосов – внутренняя даосская алхимия и цигун. Даосизм часто описывают как философию или религию, но это слишком тесные одежды для его сути.

Где-то далеко на востоке, там, где горные хребты вздымаются, как спины спящих драконов, даосы называют своё искусство Учением о Пути – Даоцзяо.

Дао – это не отвлечённая идея и не холодная «истина».

Дао – это живой Путь, Поиск Метода. Метод, благодаря которому человек не только ищет Истину, но и постепенно становится ей.

В одном из китайских городов – Тяньцзине – улицы называют словом «дао». Сюда входят дома, лавки, человеческие судьбы, стук колёс и запах уличной еды. Там Дао – это и философия, и самый обычный переулок. Так проявляется дух даосизма: то, что небесно, всегда должно касаться земли. Долгое время даосизм жил в виде маленьких островков – групп учеников вокруг Учителя.

Каждая такая группа была, как маленький мир, со своими легендами, текстами и методами. Учитель хранил знания, как пламя в ладонях, и передавал их тем, кто был к этому внутренне готов.

Войти в такой круг было непросто.

Нужно было пройти посвящение: принять клятвы, допустить тексты к сердцу, а не только к глазам, освоить особые медитации, участвовать в ритуалах, учиться создавать талисманы и защищающие знаки. Посвящение не только открывало доступ к тайным практикам, но и вплетало ученика в живую цепь передачи, идущую через века.

Со временем над всеми этими практиками поднялась новая царица даосского искусства – алхимия.

Сначала она была внешней: работа с металлами, минералами, редкими растениями, изготовление эликсиров. Но постепенно взор мастеров повернулся внутрь. Тогда дыхание, работа с ци, трансформация сознания и тела стали называться «внутренней алхимией» – нэй-дань.

Снаружи это всё может казаться лишь красивыми словами.

Но для того, кто идёт этим путём, алхимия становится Великим Деланием – искусством превращать не только свинец в золото, но и страх – в ясность, боль – в силу, а прошлое – в топливо для рождения новой Души, но главное – превращение человека в человека, который помнит свою душу.

Таковы слова, выжженные на свитке Огненной Пещеры. Хранящий их – хранит равновесие мира

Грядёт Время Позднего Дыхания Неба,
когда смертные воздвигнут в телах своих силу богов,

德

но добродетель () утечёт из их сердец,
как сияющий нефрит из треснувшего сосуда.

И устремятся они
в Залы Безмолвных Предков,
где Великое Чрево Жизни – Чан Праистока –
поныне ждёт руки истинного Хозяина.

道

Но люди, утратившие Путь (),
призовут разрушение вместо рождения,
и возожжён будет Великий Погребальный Огонь,
сиянием своим зовущий того,
кто воспекает звёзды посреди Беспредельной Пустоты.
И тогда свершится Делание его,

как ртуть, что растекается меж миров,
и свеча духа, пробивающая мрак трещин былого,
и огонь, что превращает страхи в семена грядущего.

На исходе Эпохи
Ткач Небес завершит свой узор
из нитей ци, судьбы и теней
и переступит через Безмолвную Бездну,
что долгие века отвращала его от мира.
И воззрит он на Солнце.
И выкатится звук, подобный расколу гор,
пробуждающий слуг его извечного врага.
И выйдут они из недр Земли,
как семена, созревшие во мраке.
Горы низринутся,
ущелья вздыбятся,
покровы с миров будут сорваны,
а Учения – сокрыты вновь.
Смерть и жизнь сменят свои обличья,

словно две черты, поворачивающие в Инь и Янь,
и весь мир задрожит в вечном зеркале.
Кровь взыщет кровь.
Сила взыщет силу.
Пять Раз пробудятся
те, что погребены в Глубинной Пропasti,
и шествовать будут величаво
пред лицом человечества.
И сны обретут плоть,
или же плоть станет сновидением, сотканным из воли.
То, что было мыслью, станет телом.
То, что было телом, станет эхом.
Наступит Возврат Древнего Цикла,
как бывало прежде.
Но в конце –
уступят они Безысходности,
как уступили те, кто предшествовал им.
И станут подобны тем, с кем сражались:
пожирателям ци и искажателям Дао.
И Голос Беспредельного Хаоса – Хуньдуня
возвеселится над ними
среди руин их мечты,
когда всё созданное распадется в пыль и дым.

Виктор Дроздов

Родился в 1958 году. Окончил Харьковское ВВКИУ ракетных войск им. Н. И. Крылова. Служил на космодроме Байконур. Подполковник запаса. Ветеран труда. Издал 8 личных сборников стихов. Неоднократно публиковался в журналах, альманахах, сборниках, в прессе. Лауреат в номинации «Поэзия» Международной литературной премии Мира. Награждён знаками «Золотое перо русской литературы», «Литературный Феникс». Стихи носят разноплановый характер. Проживает в г. Белгороде.

Русь, вперёд!

В клубах серых косматых туч
Через пропасть тропа легла.
Вдоль холодных каменных куч
Русь Великая к солнцу шла.

Пелена из песка по глазам.
Омут тихий, где раньше брод.
Попытается правду сказать,
Норовят кляп суконный в рот.

Среди липких и жадных рук,
Речей льстивых, коварства, лжи
Веру русскую, честь продают,
Норовят запихнуть в миражи.

С тех, кто в беды толкает нас,
На вопросы получим ответ,
А их чёрным от порчи глаз
И фальшивым речам веры нет.

Иноверцы и местный сброд.
Всё толкают на общий базар.
Только Русь вперёд и вперёд,
Будто слова не знает «назад».

Точно знаю, так было не раз,
Проверяли – народ ли могуч.
По щелям сгинет гниль и мразь,
Только брызнет солнышка луч.

Я иду на Вы

Песня жаворонка над полем.
Солнце, утро, глядя в прицел,
за секунду до взрыва и боли
я подумал: «Остался бы цел!»

Тишина зловеще накрыла,
разрывал мне лёгкие зной,
а с небес васильки ложились,
создавали в душе покой.

Дымком в колее закурилась
пыль над дорожной травой,
мысль вопросом во мне забилась:
«Неживой я? А может, живой?»

Но вдруг тишина раскрылась,
разорвав пеленальный круг,
будто стрелы в тело вонзились,
и слышался смерти звук.

Увидал, как, прижатый силой,
поднимался с земли ковыль,
а листва – высот не осилив,
опускалась в тёплую пыль.

И тогда среди гари и пыли,
среди дыма, листвы, травы,
над собой совершив усилие,
я привстал. Я пошёл на Вы.

Одуванчики-стихи

Одуванчиком в чистом поле,
Мною писанные строки, рифмы,
Разлетелись искать свою долю
В альманахи, журналы, книги.

Разнеслись, как семянки, смело.
Я надеюсь в апреле том, в мае...
Средь цветов, что солнце согрело,
Одуванчик – нет-нет замелькает.

Говорят мне: «Да что ты удумал?
Какой мыслью ещё делиться?
Просто ветром отсюда их сдуло,
В стол пиши, и, может, сгодится».

Разлетайтесь везде, стихи-детки,
Что с трудом и легко достались,
Пусть удача вам в жизни светит:
Не хочу, чтоб со мной остались.

В стол писать – потери без вести.
Для меня это пройденный опыт.
Не удержишь в плену их и лестью,
Если ищут безбрежности строки.

Возьмите с собою, цыгане...

Вы возьмите с собою, цыгане.
Так хочу ваш увидеть табор
И костры до рассветной рани.
Больше мне ничего и не надо.

Черноглазая смоль цыганка
Нагадает дорог мне хороших.
Я поверю, ведь тут без обмана,
Золотую монетку ей брошу.

Там цыганки танцуют с жаром.
Поют песни при лунном свете.
И над лесом звенит гитара
О цыганской любви без ответа.

В кибитке постель постеляют,
А над нею всё звёздное поле.
Волоса треплет вольный ветер.
Соглашусь с цыганской долей.

Я в веселье печаль приметил.
Тяжела ж ты, цыганская доля.
Потому-то и бродят по свету,
Воспевают всё вольную волю.

Вы возьмите с собою, цыгане.
И когда я вернусь в столицу,
Мне в ночи лошадиное ржанье
И запах степи будут сниться.

Если жить, не грешить...

Если жить и не грешить –
Не придётся каяться.
Чашу с горем не испить –
Сединой не стариться.

Распри, склоки обходить –
Врагов не появится.
Раздумья, мысли удалить –
Морщины расправятся.

Детей если не взрастить –
Пустотой намаяться.
Не создать, не сотворить –
Так что же останется?

Можно жизнь свою прожить,
Закрывшись беспечностью.
О чём же тогда говорить,
Стоя перед вечностью?

Живите счастливо!

Туча гроздя свои развесила,
Тёмно-серые, чёрные, криво,
Духотой так давила – грезила,
Чтоб дышали, и то через силу.

Дождевою струёю с ветром
Писала: «Не жить счастливо!»
Не ленилась на каждом метре
По дорогам в горячей пыли.

И уже на грунтовках месиво,
Стоят лужи, где были травы,
И ей многие просто поверили,
И уже кто-то ныл нездорово.

Но, к счастью, другие были,
Кто дерзко всегда прорвётся,
И крыльями тучу прошили,
Поднялись повыше к солнцу.

Цветную дугу там подвесили,
И над тучей светло и красиво,
А солнце – лучами им весело
Написало: «Живите счастливо!»

Екатерина Евстигнеева

В Городце (Нижегородская область РФ), на родине росписи, необыкновенной керамики и золотого шитья, живёт удивительная женщина. Наталье Фёдоровне Козловой (настоящее имя автора) подвластны и художественная проза, и трепетная поэзия, и нон-фикшн. Будь то фантастические трилогии, стихи, венки сонетов, сказки, рассказы или глубокие научные работы – во всём видны талант и целеустремлённость.

Множество наград – орденов, медалей, дипломов, грамот и благодарственных писем, которыми награждён автор, – говорят о признании её как писателя, поэта и исследователя. Последние из достижений: победитель конкурса «Герои Великой Победы», лауреат 3 ст. премии «Человек слова» и «Русское слово», финалист премии «Ева», почётный знак «Четвёртая звезда» и орден «Литературное достояние» (2025), финалист премии «Сила слова».

Избранный и одинокий

В мире, который каждый день приносит новые вызовы и требует от нас быть частью общего потока, есть люди, чья душа живёт по своим законам. Это – писатели. Они настоящие мастера слова, чья деятельность простирается далеко за пределы обыденного.

Для них свобода творчества и полёт мысли – не просто красивые фразы, а сама суть их существования. Они живут в пространстве, где нестандартное мышление – это не исключение, а правило, где рождаются тексты и стихотворения, способные тронуть самые глубокие струны души, а аналитические статьи заставляют взглянуть на мир под новым углом. И это лишь малая часть того, что охватывает их многогранная деятельность.

Быть писателем – это странное, порой мучительное, но всегда завораживающее путешествие. Это дар, который свыше нисходит на избранных, наделяя их способностью видеть мир иначе, чувствовать глубже и облекать свои мысли в слова, способные тронуть души других. В этом и заключается первая светлая сторона писательского ремесла – привилегия быть тем, кто может создавать миры, оживлять персонажей, делиться мудростью и красотой.

Но эта привилегия несёт в себе и свою тень. Нет чёткого графика, нет гарантированной пенсии, нет профсоюза, который бы защитил его интересы. Он сам себе и государство, и его единственный гражданин, несущий всю ответственность за своё творение.

Что же делает писателя по-настоящему счастливым? Ответ кроется в самой природе его призвания. Писатель – это человек, который рад тому, что не похож на других. Он не боится идти против течения, исследовать неизведанные уголки сознания и делиться своими открытиями с миром. Его счастье – в возможности проживать всё новые и новые жизни вместе со своими героями. Он может быть отважным рыцарем, мудрым старцем, юной влюблённой или даже космическим путешественником – и всё это, не покидая своего рабочего места.

В этом и заключается его невероятная сила. Писатель – это настоящий супергерой, который создаёт новые миры из ничего, наполняя их жизнью, страстями и смыслами. Он – путешественник, который путешествует, не покупая билетов, открывая для себя и своих читателей бескрайние просторы воображения.

И вот тут подкрадывается трагедия. Мир, который писатель так старательно выстраивает на бумаге, не всегда находит отклик в сердцах окружающих. Его видение может показаться странным, его слова – непонятными. Вместо восхищения и понимания он может столкнуться с насмешками, равнодушием, с ощущением полного одиночества в своём творческом порыве.

Эта двойственность – быть одновременно избранным и непонятым, обладать даром и нести бремя одиночества – и составляет суть писательского пути. Это путь, полный взлётов и падений, радости творения и горечи непонимания, но именно он делает писателя тем, кем он является – проводником в мир слов, где рождаются истории, способные изменить нас самих и мир вокруг.

Каждый писатель – это уникальный экземпляр. Он несёт в себе особую искру, способность видеть то, что скрыто от глаз большинства, и преобразовывать это в слова, которые остаются в сердцах надолго. Это дар, который делает их счастливыми, и мир, который благодаря им становится богаче и интереснее.

Искусство слова, ремесло писателя – это то, что вечно. Менялись эпохи, менялись инструменты: от изящных перьев, макаемых в чернильницу, до стремительного стука клавиш на клавиатуре. Но суть осталась неизменной. В каждом поколении творец находит свой способ, свой язык, чтобы донести миру свои мысли, свои миры, свои истории. Письмо – это мост через время, и оно всегда будет актуально.

Вдохновение

Диктует нам строку душа,
И не секрет, что это чудо!
Не стоит медного гроша
Поэзия из ниоткуда.

Ведь жизнь безмерно хороша:
Пригоршни дарит изумрудов,
То вдруг на крыльях виража
Нектар из райского сосуда.

И, распалясь от миража,
Поэт стихи «замесит» круто.
И руки чуть его дрожат,
И камнем вниз без парашюта.

И вновь, события кружа,
Писать заставят словоблуда.
И учащённо тот дыша,
Признание строчит кому-то.

А мне строку несёт душа,
И, право, это просто чудо!
Не стоит медного гроша
Поэзия из ниоткуда.

Герой

Живые мысли, думы, чувства
Сплелись в слова и рифмы лихо...
Читать стихи – почти безумство...
Боюсь, не приняли б за психа!

А я взлетаю ввысь по строкам,
Парю, мечтаю рядом с ними...
И бьёт порою тело током,
Гримасы корчу я чудные.

«Я вас любил...» глаголил Пушкин;
«Пускай ты выпита...» – Есенин...
Да мало ли ещё отдушин:
Рубцов, Цветаева, Тургенев!
А может, в этом странном вальсе,
Сливаясь мыслями с Вселенной,
Забудусь в дивном ассонансе
Строки великой вдохновенной?

О время! О, какие нравы!
«Ты сильным должен быть...» – пел Цой.
А натиск неучей оравы,
Кто сдюжит – тот теперь герой!

Ольга Заборская

Поэт, прозаик. Родилась в г. Смоленске. Окончила Смоленский государственный институт искусств. Пишет с 12 лет. Лауреат всероссийских и международных литературных фестивалей и конкурсов, публикуется в России, Республике Беларусь, Казахстане, а также в международных сборниках и альманахах, автор книг «Будем жить!», «Про чудеса, о чудесах».

Последний вагон

Глава 1

Над перроном зависло небо цвета нестираного холста. Время здесь не текло, а сочилось ржавыми каплями с карнизов старого вокзала.

Вдруг из тумана, густого как нафталин, материализовалась фигура в длинном сером плаще. Лица не было видно под низко надвинутой шляпой, но чёрные перчатки на руках, сжимавших никелированный рупор, казались двумя дырами в пространстве.

– Внимание! – Голос из рупора был сухим и плоским, как звук лопаты, ударившейся о суглинок. – Граждане пассажиры! Совершаем посадку в последний вагон! Места ограничены вашим прошлым! Успейте занять свой тупик!

На этот зов, словно тени из забытого шкафа, начали стягиваться люди. Алексей, судорожно поправляя кепку, столкнулся у кассы с Мариной. На ней были те самые прозрачные каблуки, в которых она балансировала над лужами, как над пропастью своего сорокавосьмилетия.

– Боря? Ты тоже здесь? – Марина выпятила подбородок, стараясь принять «элегантную» позу из прошлогоднего «Космополитена». – Я вот решила... пора. Мне сказали, что этот вагон – самый надёжный. Там все наши, там уютно, и рюши не мнутся.

– Да, Марин. – Боря нервно лайкнул экран выключенного телефона. – Я настройки сменил, теперь только в последний вагон пускают. Дрессировка, понимаешь? Главное – успеть. Говорят, за этим поездом не угнаться, если в нём не сидеть.

Человек в сером плаще снова вскинул рупор, указывая перчаткой на ржавую подножку:

– Быстрее! Грузите балласт! Оставляйте надежды, забирайте набойки! Вагон не ждёт тех, кто смотрит на небо!

Они двинулись вперёд, подталкивая друг друга, не замечая, что серая ткань плаща Глашатая на мгновение вспыхнула под лучом далёкого, пока ещё невидимого торнадо.

Сквозь толпу, расталкивая локтями парней в растянутых свитерах, продирался Мужчина в помятом пиджаке, пахнущем «Мерседесом» девяносто пятого года выпуска. В руках он сжимал пухлый потёртый чемодан, обмотанный скотчем.

– Дорогу! – хрипел он, оглядываясь на Человека в сером плаще. – У меня тут всё! Наличные, заработанные кровью в девяностые! Я за них полгорода купил. Неужели место в вагоне не выкуплю? Эй, серый, сколько стоит купе до «Вчера»?

Следом за ним, цокая шпильками по шербатову бетону, бежала Модель. Её лицо казалось застывшей маской из пластика, а губы, надутые до предела, напоминали те самые «фонарики» с блузки Клавдии, только в современном исполнении. Она судорожно тыкала пальцем в экран смартфона, поднося его к лицу Человека в плаще.

– Слышь, – капризно тянула она, – мне нужно, чтобы в вагоне было зеркало с фильтром. И чтобы губы – как вот тут, в «Инсте»¹! Чтобы все видели, какая я «топ». Я же бренд, я же картинка! Куда грузить мой гардероб из Дубая?

Человек в сером плаще лишь молча указал чёрной перчаткой на открытый зев последнего вагона.

– Деньги девяностых? – проскрежетал рупор. – Сложите их под полку, они там хорошо гниют. Губы из Инстаграма? Проходите, там уже сидят те, кто покажет Как имитировать счастье. Весь балласт – внутрь!

¹ Meta – признана экстремистской организацией и запрещена в России, её продукты Instagram и Facebook (Инстаграм и Фейсбук) также запрещены на территории РФ.

Мужчина с чемоданом и Модель, толкаясь, запрыгнули на подножку. Они были уверены, что купили VIP-билеты, не понимая, что в этом поезде единственная валюта – чистота смыслов, которой у них нет.

Внутри вагона Мужчина тут же начал пересчитывать свои пачки, а Модель – искать ракурс для селфи. Они все были так заняты демонстрацией своих «активов», что никто не заметил: вагон больше не имеет связи с локомотивом.

А снаружи, на скамеечке, двенадцатилетняя девочка равнодушно проводила их взглядом. Она знала: чемоданы с деньгами и губы из пластика не летают. Летают только шарики, которые она рисует своим воображением.

На перроне царил хаос, напоминающий эвакуацию с тонущего корабля. Марина в своих каблуках подпрыгивала по заплёванному бетону, размахивая распечатками старых журналов.

– Боря! Поторапливайся! Я слышала, в последнем вагоне дают бесплатный суп! Я там буду вести мастер-класс по пул-дэнсу, кому за пятьдесят! Мы ещё с тобой можем дать жару!

Борис бежал следом, волоча за собой огромный рюкзак, набитый непарными тапками и стопкой грамот спортивных достижений юности.

– Я уже выставил статус «В пути»! – кричал он, на ходу закрывая профиль от самого себя. – Пусть все локти кусают! Все эти бывшие! Я еду в прекрасное вчера! Подсовывайте мне кого хотите, а я – кремень!

Из-за угла выплыли две девушки. Они тащили вещи на вешалке прямо с антресолей.

– Подождите нас! – кричала первая. – Мы не успели ещё плащ урвать на распродаже! Главное – сесть в последний вагон, там все наши! Начальник обещал повышение всем, кто оплатит эту поездку!

Они штурмовали ржавую подножку последнего вагона с такой яростью, словно это был ковчег. Внутри уже сидели парни в растянутых свитерах; один из них зачитывал стихи в личку пустой полке...

– Успели! – Марина победно вскинула ногу на пилон, который оказался просто поручнем у туалета. – Мы в игре!

Человек в перчатках жестикулировал и поторапливал суетливых пассажиров: «Поторапливайтесь, господа, места ограничены! Берём только самое необходимое!» Девочка рисовала, неспешно проводя карандашом по листку блокнота, эта суэта совсем не занимала её. Она была сосредоточена и тихо улыбалась, водя по бумаге.

На перрон, задыхаясь, выбежала женщина. В одной руке она тащила двоих детей, в другой – бережно прижимала кастрюлю, обмотанную полотенцем, от которой шёл густой пар.

– Витя! – закричала она, перекрывая скрежет ржавых рельсов. – Витя, ты куда?! Я тебе котлет нажарила, свежих, как ты любишь! Вернись, Витя, дети плачут!

Витя, тот самый «Лёша» в другой ипостаси, уже стоял на подножке вагона, вцепившись в поручень побелевшими пальцами. Он посмотрел на жену сверху вниз, и в его взгляде вспыхнуло то самое «величие», которое он годами копил в закрытых чатах.

– К чёрту котлеты! – рявкнул он, расталкивая локтями Мужчину с чемоданом из девяностых. – Это мой единственный шанс! Я рождён для великого, я в «Роднике» публиковался! А ты... ты вообще плохо заслуживала мою любовь! Ты котлеты жарила, а надо было вдохновлять!

Он с грохотом захлопнул дверь вагона, едва не прищемив пальцы заучу. Жена осталась на перроне, в облаке пара от кастрюли, глядя, как её Витя присоединяется к Марине, Сергею из Омска и Мужчине с чемоданом.

Внутри вагона Витя тут же занял место у окна и гордо выпрямился.

– Наконец-то, – прошептал он, глядя на своё отражение. – Теперь я свободен от этого балласта. Теперь я – Ого-го!

Он не видел, что за его спиной Человек в сером плаще уже вытянул чеку из сцепки. Витя был уверен, что едет к славе, хотя на самом деле он ехал в вечную пустоту, где нет ни любви, ни даже котлет.

А девочка на скамейке, рисовавшая свои миры, проводила взглядом кастрюлю с паром. Она знала: любовь, которую надо «заслуживать», весит столько же, сколько ржавый вагон, который никогда не тронется с места.

Следом за Витей, пошатываясь и цепляясь за пустые бутылки в карманах безразмерного плаща, в вагон ввалился Пьяный Поэт. В руках он бережно нёс кипу пожелтевших листков – свой «Опус от творца», заляпанный кофейными кругами и слезами непризнанности.

– Дорогу... гению! – икнул он, пытаясь сфокусировать взгляд на Человеке в сером. – Я всю жизнь отдал этому городу, а они мне – второе место на региональном конкурсе! Пустите меня в купе для пророков, я там буду депеши в Космос писать...

За ним, не проронив ни слова, проскользнул Художник-абстракционист. Он нёс огромный пустой холст, на котором не было ничего, кроме серой пыли перрона.

– Что ты рисуешь, мастер? – язвительно бросила Марина, поправляя на пилоне-поручне свои прозрачные каблук.

Художник посмотрел на неё сквозь мутные линзы очков:

– Я рисую Пустоту. Это единственное, что осталось от этого города после того, как отсюда ушла Роза. Это шедевр моего отрицания. Я впишу этот вагон в вечность, даже если мы не сдвинемся с места.

Он уселся в углу, установил мольберт и начал вдохновенно водить сухой кистью по белому полотну, имитируя движение, которого не было. Поэт тут же начал декламировать стихи стене, Мужчина из девяностых пересчитывал пачки, а Модель надувала губы для селфи в «Пустоту». В вагоне стало тесно от их общего вранья. Каждый из них вёз с собой свой личный «балласт», надеясь, что Человек в сером плаще нажмёт на рычаг.

Глашатай с рупором в последний раз обвёл их взглядом чёрных перчаток.

– Все в сборе? – проскрежетал металл. – Сцепка разорвана. Наслаждайтесь своим триумфом.

Марина, грациозно изогнувшись на скрипучем сиденье, заглянула в пустые глаза Художника:

– Можно, я буду вашей музой? – прошептала она, стараясь, чтобы прозрачный каблук заманчиво блеснул в пыльном свете. – Пустота – это то, что я чувствую лучше всего. Я всю жизнь её декорирую восточными танцами и пилоном, но только сейчас поняла: мой истинный масштаб – это ваше Ничто.

Художник, не оборачиваясь, мазнул сухой кистью по воздуху:

– Становитесь в профиль, Марина. Вы будете моим «Главным разочарованием».

А в другом конце вагона Поэт уже вошёл в экстаз. Он вцепился в коленки Модели, чей силикон казался ему твердью, на которой можно построить новый Парнас.

– Кровь – любовь! Мимозы – розы! – завывал он, брызгая слюной на её безупречный тональный крем. – Много лирики и прозы! Ты – моя муза из Инстаграма, мой идеал из филлеров и грёз!

Модель, не понимая ни слова, но чуя привычный запах лести, хлопала ресницами, похожими на лапки гигантского паука, и визжала:

– Браво! Просто великолепно! Это так... так... концептуально! А в этом вагоне есть вай-фай? Мне нужно выложить этот исторический момент!

Дядька из девяностых, не обращая внимания на этот «праздник духа», с хрипом вывалил содержимое чемодана прямо на грязный пол. Он лихорадочно пересчитывал засаленные, пахнущие подвалом и страхом купюры.

– Пятьсот... тысяча... пять тысяч... – бормотал он. – Сейчас куплю этот вагон. Куплю локомотив. Куплю эту девку с шариками на перроне. Всё куплю!

Они так галдели, так упивались своей «значимостью», что не слышали, как снаружи наступила абсолютная космическая тишина. Сцепка давно лопнула. Вагон стоял, глубоко уйдя колёсами в землю, а в его разбитых окнах отражался только ржавый забор с неприличными надписями.

А на скамейке девочка дорисовала последний, седьмой, шарик. Он был таким ярким, что прожёт бумагу и устремился вверх, вслед за невидимым Экспрессом. Она знала: пока эти люди «декорируют пустоту» и «считают тлен», Жизнь уже пронеслась мимо, оставив их в вечном, неоттапливаемом тупике их собственного эго.

Следом за Поэтом, отдуваясь и вытирая пот со лбов, в тамбур втиснулись Пузатые Мужики. На каждом был тот самый «благородный антрацитовый» свитер, растянутый на животе до состояния рыболовной сети. Они несли в руках папки с отчётами и смотрели на окружающих с таким видом, будто каждый из них – это главный джекпот в мировой лотерее.

– Подвинься, чемодан! – рявкнул один, толкая Дядьку из девяностых. – Мы – золотой генофонд! Мы – призы, за которые женщины по тридцать лет бьются! Где наше VIP-купе? Нам обещали, что в Будущем нас будут кормить домашними котлетами за одно наше присутствие!

Они уселись на скамейки, широко расставив ноги и заняв всё пространство своим «величием». Один из них тут же достал зеркальце и начал любовно поправлять три волосины на лысине.

– Ишь, бабы обнаглели, кофе им в пластиковых стаканчиках подавай! А мы – вот они, рядом! Мощные, надёжные, в свитерах! Нас ценить надо, пока мы в этот вагон сели!

В этот момент, расталкивая пузатых, в вагон влетела Женщина в Вечном Поиске. На ней было всё лучшее сразу: юбка для восточных танцев поверх лосин для пулдэнса и театральный грим, который в свете тусклой лампы делал её похожей на Пьеро в активном поиске.

– Где он?! – кричала она, вглядываясь в серые лица пассажиров. – Мне обещали, что в последнем вагоне едет Принц! Я уже тридцать три хобби сменила, на пяти сайтах знакомств отсидела, я два пилона стёрла, я готова! Кто тут из вас самый классный? Я ищу резонанс! Я ищу того, кто оценит мою незавершённость! И чтобы не ниже ста семидесяти сантиметров!

Она металась между Мужчиной с чемоданом и Пузатыми в свитерах, не замечая, что «Принц» давно пронёсся мимо в зеркальном Экспрессе.

– Садись, муза, – икнул Пьяный Поэт, похлопав по свободной коленке Модели. – Я тебе про «мимозы – розы» зачитаю, это и есть твой резонанс.

Марина поджала губы, Модель захлопала ресницами, Пузатые довольно заурчали, а Дядька продолжал слюнявить пальцы, считая засаленную бумагу. Они все нашли друг друга в этом тесном, вонючем пространстве.

А снаружи Человек в сером плаще наконец-то поднял рупор:

– Пассажиры! Проверьте свой балласт. Мы... остаёмся.

Лязгнул металл, и вагон окончательно замер, погружаясь в пространство тупика. Внутри начался бурный пир: Пузатые требовали внимания, Женщина в Поиске танцевала восточный танец на чемодане с деньгами, а Поэт рифмовал их общую Пустоту. Девочка на перроне закрыла альбом. На её рисунке семь шариков превратились в звёзды. Она знала: чтобы лететь, нужно не «искать принца» и не «быть призом», а просто иметь внутри чистый свет, который не поместится ни в один растянутый свитер.

Женщина в Поиске, замирая от восторга, прильнула к засаленному плечу Поэта. Тот, не выпуская из другой руки коленку Модели, по-хозяйски обхватил новую музу за талию. Его пальцы впились в ткань её юбки для восточных танцев.

– Слушай, о дева, мой шёпот про розы... – завыл он, дыша на неё перегаром и несбывшимися амбициями. – Забудь про Мадрид, там одни только грозы!

Она закрыла глаза, и на её лице, покрытом густым театральным гримом, расплылась блаженная, почти идиотическая улыбка.

– Наконец-то... – прошептала она, прижимаясь к его растянутому свитеру. – Наконец-то я тебя нашла. Ты такой... настоящий. Такой «рядом». Я теперь всё поняла. Я ведь умею, я очень хорошо умею заслуживать любовь! Я буду жарить тебе котлеты, я буду слушать твои «мимозы» до рассвета, я буду твоим зеркалом...

Пузатые мужики одобрительно загудели, Дядька из девяностых кивнул, не отрываясь от пересчёта купюр, а Модель зевнула, проверяя, не размазался ли филлер. В вагоне воцарилась идеальная гармония неликвида. Они были счастливы в своей тесноте. Они нашли то, что искали: право быть никем и называть это «судьбой». Они «заслуживали» друг друга в этом неподвижном вагоне, пока снаружи время превращалось в вечность.

В последний момент, когда Человек в сером уже занёс руку, чтобы закрыть дверь, в вагон протиснулась Женщина за пятьдесят. В руках она сжимала засаленную колоду Таро и рекламный буклет из продуктового магазина.

– Погодите! – кричала она, перепрыгивая через чемодан Дядьки из девяностых. – Я разложила на дорогу! Выпала карта «Стабильность в тупике»! Здесь есть гадалки? Мне нужно знать, в каком ряду будут раздавать бесплатные флаеры и когда в этом составе объявят распродажу прошлогодних надежд?

Она тут же подсела к Марине и Женщине в Поиске, разложив свои карты прямо на коленке Пьяного Поэта.

– Девочки, глядите! – затараторила она, вытягивая карту с изображением перевёрнутого солнца. – Это всё морок! Настоящий мужчина – это тот, кто за тысячу рублей оценит твой внутренний мир и твои тапки. Я вот своему разложила: он в этом вагоне – Король Кубков. Ну и что, что кубки пустые, зато рядом!

Марина одобрительно кивнула, Женщина в Поиске, заслуживающая любовь, прижалась к Поэту, а Женщина за пятьдесят начала гадать Модели на «удачный филлер». В вагоне стало так тесно от предсказаний, рюшей и «заслуженной любви», что воздух окончательно превратился в нафталин.

Они все нашли свою «правду» в этом тупике. Женщина за пятьдесят торжествующе смотрела на свои карты, не видя, что на них вместо символов – лишь серые пятна плесени. Они обсуждали скидки на жизнь, пока их время стремительно обесценивалось до нуля.

В тамбур, едва не сбив с ног Женщину за пятьдесят, втиснулся Мужчина с папкой «Дело №». Его костюм был застёгнут на все пуговицы, а лицо напоминало сухую гербовую печать. Он лихорадочно перелистывал пожелтевшие страницы, тыча пальцем в пункты и параграфы.

– Так, – скрипел он, не глядя на окружающих. – По инструкции посадка разрешена только при наличии справки от врача! Где печать? Почему рюши не соответствуют ГОСТу 1984-го года? У меня всё задокументировано! Мы не можем ехать, пока не заполнен протокол!

Он пытался выстроить Пузатых Мужиков в шеренгу, требуя соблюдения регламента тупика, но его папка уже начала рассыпаться от ветхости.

Следом за ним, спотыкаясь о чемодан с деньгами, влетела Женщина, которая ничего не успевает. В одной руке она держала недопитый чай, в другой – полунадетый сапог, а на плече у неё висела авоська с нестиранным бельём.

– Ой, подождите! – причитала она, роняя на пол бигуди и квитанции за свет. – Я ещё не успела определиться! Я не успела доварить суп, не успела в магазин заскочить, не успела заплатки поставить! Подождите, я только на минутку, мне ещё нужно бельё погладить!

Она металась по вагону, пытаясь одновременно застегнуть пальто и вникнуть в «Дело №», создавая вокруг себя облако бессмысленной тревоги.

– Проходите, гражданочка, – ухмыльнулся Мужчина с папкой. – По инструкции вам положено место в углу, там как раз не успели помыть пол. Всё по регламенту!

Они заняли свои места. Мужчина начал нумеровать присутствующих, Женщина – лихорадочно искать в сумке то, что она забыла ещё в прошлом веке. Марина хохотала, Поэт рифмовал, а новые герои добавили в этот хаос финальный штрих: бюрократию мёртвого слова и суету пустой жизни.

А снаружи Человек в сером плаще посмотрел на этот цирк. Под его чёрной перчаткой на мгновение вспыхнул одинокий фонарь. Он включил свет для тех, кто живёт «по инструкции», и для тех, кто «не успевает» жить.

Следом за Женщиной, которая ничего не успевает, в вагон ворвался Мужчина с дипломатом. Он так торопился занять место «согласно купленным билетам», что зацепился углом чемоданчика за поручень. Замок щёлкнул, и над перроном взметнулся вихрь пожелтевших листков, испещрённых графиками, схемами и какими-то расчётами.

– Мои данные! Моя база! – закричал он, судорожно пытаясь поймать бумаги, которые ветер торнадо уже уносил в сторону тумана.

Он опустился на четвереньки, собирая то, что осталось, и, запрыгнув в тамбур, начал лихорадочно раскладывать листки на коленках Мужчины с папкой «Дело №». Его глаза за стёклами роговых очков лихорадочно блестели.

– Всё под контролем, – бормотал он, поправляя галстук. – Главное, что мы в вагоне. Это логично. Сцепка проверена, регламент соблюлён – это технично. Логично-технично, господа! Мы движемся в вечность по строго заданному алгоритму!

Марина из своего «угла музы» одобрительно кивнула:

– Конечно, логично! Пустота – это тоже система!

– Технично, – икнул Поэт, прижимая Модель. – Рифма «розы – мимозы» – это высший инженерный расчёт!

Мужчина с дипломатом довольно заурчал и начал чертить на пыльном окне вагона схему их «движения». Он доказывал всем присутствующим, что вагон несётся со скоростью звука, потому что это «подтверждено его графиками». Ему было плевать на реальность – ему было важно, чтобы всё было логично-технично в его маленькой голове.

А за окном по-прежнему стоял неподвижный ржавый забор.

– Мы едем, господа! Навстречу счастью! – надрывалась Марина, пытаясь изобразить полёт валькирии на ржавом поручне. – Я чувствую, как ветер свободы развеивает мой люрекс!

– Логично! – гаркнул Мужчина с дипломатом, судорожно прижимая к груди пустые листы. – Если есть вокзал, значит, должен быть путь! Если есть мы, значит, есть и прогресс! Всё по формуле, всё технично!

Модель, вытянув губы «уточкой» и стараясь поймать в мутном стекле отблеск фонаря, капризно повела плечом:

– Ой, ну хватит орать, нужно сделать селфи! В Будущем этот вайб соберёт миллионы лайков. Напишу в сторис: «Лечу в закат, ни о чём не жалею».

Пузатые Мужики в растянутых свитерах довольно переглянулись, похлопывая себя по карманам с пенсионными удостоверениями:

– Да-а, там-то, в Будущем, женщины будут немеркантильные! Там нас будут ценить за душу и за то, что мы просто «рядом» сидим, в папки смотрим. Счастье – это когда тебя не просят меняться!

– Наш паровоз вперёд летит! В коммуне... ик... остановка! – заорал Пьяный Поэт, размахивая пустой бутылкой, как знаменем. – Запевай, славяне! Кровь – любовь, мимозы – розы! Ура, господа! Ура-а-а!

Их коллективный вопль «Ура!» на мгновение заглушил даже тишину тумана. Они обнимались, поздравляли друг друга с «прибытием» и искренне верили, что пространство под их

ногами трещит от скорости, хотя это просто ржавое дно вагона окончательно проседало в сырую землю.

А снаружи Человек в перчатках в последний раз посмотрел на этот «праздник жизни». Он щёлкнул выключателем, и одинокий фонарь моргнул, оставляя этот хор безумцев в тусклом, сером мареве.

Дядька из девяностых, не замечая общего «ура!», слюнявил пальцы и лихорадочно перебирал засаленную пачку.

– Две тысячи пятсот... три тысячи... – бормотал он, прищуриваясь от удовольствия. – Скоро на виллу в Ницце хватит. Или на целый завод...

Он не понимал, что считает пустоту.

Сквозь толпу «пузманов», тяжело дыша, пропихивалась женщина в пуховике необъятных размеров. Одной рукой она мёртвой хваткой держала за локоть долговязого мужчину лет тридцати пяти с бледным лицом и вечно открытым ртом. В другой руке у неё была всё та же сумка с тормозками и запасными носками.

– Ну ма-а-ам... – ныл «корзиночка», пытаясь вырваться и поправить съехавшую шапку с помпоном. – Ну куда мы едем? Я в танчики не доиграл, там рейд... И вообще, в вагоне дует!

– Молчи, Павлик! – прикрикнула мать, затаскивая его на подножку. – Мы едем за невестой! Там, в Будущем, девки не такие наглые, там тебя оценят! Мой сын достоин только лучшего: чистой, тихой, чтоб и борщ варила, и рот не открывала, и твою гениальность в разгадывании кроссвордов понимала!

Она усадила Павлика в угол, прямо напротив Марины, и начала заботливо вытирать ему нос платочком.

– Смотри, Павлуша, сколько тут невест! – она обвела рукой Модель и Женщину в вечном поиске. – Выбирай любую, я договорюсь. Скажу, что ты у меня золотой, просто «не нашёл ещё ту самую».

Павлик лишь вздохнул и снова затянул своё:

– Ма-а-ам, я кушать хочу...

– Логично! – поддакнул Мужчина с дипломатом. – Растущий организм требует подпитки в условиях межпространственного перехода! Технично продумано!

Дядька из девяностых мельком глянул на Павлика и бросил ему «купюру» в три тысячи:

– На, малой, купи себе леденец в Будущем.

Вагон наполнился запахом домашних котлет, детской присыпки и затхлой материнской любви. Все были при деле: Поэт обнимал Музу, Витя требовал признания, Павлик ныл, а мать охраняла его «достоинство» от реальности. Марина, вцепившись в косяк двери, восторженно смотрела в окно, где в полной серости не двигалось ни одно дерево, ни одна тень.

– Мы едем, господа! – взвизгнула она, перекрывая храп пьяного Поэта. – Чувствуете? Ветер! Это ветер перемен!

Борис судорожно кивнул, лихорадочно обновляя пустую страницу в телефоне:

– Да! Скорость бешеная! Пространство трещит!

Дядька из девяностых начал разбрасывать засаленные купюры, как конфетти, празднуя прибытие в воображаемую столицу своего успеха. Вагон ходил ходуном от их коллективного прыжка в бездну самообмана.

А снаружи стояла мёртвая тишина...

В самый последний момент, когда туман уже начал лизать порог тамбура, в вагон, кряхтя и цепляясь зонтиком за косяк, втиснулась Пожилая Преподавательница. На ней было пальто цвета мокрого асфальта, а в руках она, как святыню, сжимала старый, пухлый, засаленный журнал с обтрёпанными краями. Она обвела вагон взглядом поверх треснувших очков, и в купе мгновенно воцарилась тишина – даже «корзиночка» Павлик перестал ныть и втянул голову в плечи.

– Посредственность... – проскрежетала она, пробираясь между чемоданом с деньгами и мольбертом Художника Пустоты. – Сплошная бездарность. Рифмы – костыли, логика – дырявая, набойки – кривые.

Она с грохотом опустила на свободное место, раскрыла свой журнал и начала яростно черкать в нём обломком красного карандаша.

– Борису – два за поведение в чате! Марине – два за отсутствие воланов! Мужчине с дипломатом – два за несоблюдение параграфа № 5! Все... все в этом вагоне – неуды! Балласт истории!

Она ставила двойки с наслаждением палача, не замечая, что её журнал давно превратился в труху, а оценки падают в пустоту. Для неё время остановилось в тот момент, когда она впервые решила, что имеет право «казнить или миловать» чужой талант.

– Мы едем, Марь Иванна! – пискнула Марина. – Мы – в будущее!

– Вы никуда не едете, – отрезала Преподавательница, не поднимая глаз от журнала. – По моей программе будущее не предусмотрено. Сидите и переписывайте вчерашний день, пока не научитесь заслуживать мою «тройку»!

Она была последним кирпичом в стене, которую они построили вокруг себя.

А снаружи Человек в сером плаще посмотрел на эту финальную мизансцену. Он щёлкнул выключателем, одинокий фонарь вспыхнул и тут же погас, оставляя вагон в вечном сумраке. Преподавательница продолжала черкать красным в темноте, Витя грезил о котлетах, а Художник рисовал пустоту. Человек в сером плаще медленно подошёл к скамье. Его фигура заслонила собой свет экрана, и тень от широких полей шляпы легла на чистый лист блокнота. Из недр плаща донёсся голос – теперь он не гремел, как из рупора, а звучал мягко.

– А ты? – Чёрная перчатка указала на открытую дверь последнего вагона, откуда доносился хохот Марины и завывания про мимозы. – Не хочешь к ним? Там весело, там все «свои». Там тебя научат заслуживать любовь, подбирать рюши и гадать на скидки. Там не нужно рисовать – там всё уже придумано за тебя.

Девочка даже не подняла головы. Её рука, испачканная графитом, уверенно вела линию.

– Нет, – ответила она голосом, в котором не было ни страха, ни сомнения. – Мне там будет тесно. Я рисую Жизнь.

Она повернула блокнот. На серой бумаге, вопреки всем законам провинциальной светотени, пульсировал свет. Семь шариков, рвущихся в стратосферу, и семь цветочков, пустивших корни в самую вечность. Это был не просто набросок – это была партитура.

Человек в сером замер. На мгновение показалось, что из-под чёрной перчатки пробилось сияние.

– Семь и семь... – прошептал он. – Ты знаешь код.

Он выпрямился и в последний раз посмотрел на вагон, где Женщина за пятьдесят раскладывала Таро на коленках Пузатого Мужика.

– Тогда нам не по пути с этим составом.

– Семь – число завершенности, – произнёс Человек в перчатках, и голос его вибрировал в унисон с далёким гулом Экспресса. – Ты сама можешь нарисовать тот мир, который хочешь. Ведь всё – в нашей голове: и радость, и боль, и алчность, и гордыня. Милосердие и братство, свет и тень... Ты не боишься тени?

Девочка подняла глаза – ясные, как небо в апреле.

– Нет, – ответила она. И в этом «нет» было больше силы, чем во всех криках на перроне. – Мой свет живёт внутри меня. Тень только подчёркивает его яркость.

Она кивнула в сторону ржавого вагона, где Марина пыталась «заслужить любовь», а Поэт был про мимозы.

– А почему эти люди так кричат и суетятся? – спросила она.

Человек в перчатках горько усмехнулся.

– Потому что они глупы, а суета порождает глупость. Они боятся тишины, в которой слышен голос правды. Им нужно галдеть, чтобы не заметить, как их вагон врос в землю. Они выбрали свою статичность, а ты выбрала Путь.

Девочка интуитивно вывела этот код семи, её тройки остались там, в кожаной сумке Пожилой Преподавательницы, которая штурмовала подножку отцепленного вагона. Для девочки эти цифры уже не имели веса, она измеряла мир не баллами, а цветом. Когда из тумана бесшумно и неотвратно выплыл зеркальный нос Экспресса, она даже не удивилась. В то время как Марина теряла каблук, а Борис судорожно закрывал чаты, девочка сделала шаг навстречу сиянию. Экспресс в будущее не издавал лязга. Он пел. Двери открылись перед ней, как страницы новой книги. Она вошла в вагон, где пахло озоном, и заняла своё место у окна. Последнее, что она увидела перед тем, как пространство начало плавиться от скорости, – это застывшую картинку на перроне: группу людей, которые продолжали махать руками и кричать, не замечая, что их вагон навсегда врос в ржавые рельсы тупика. Она прижала блокнот к груди и улыбнулась. Семь шариков в небе наконец-то поймали попутный ветер.

Человек в сером плаще подошёл к высокому столбу на краю перрона. Чёрная перчатка коснулась рычага, и над пустыми путями вспыхнул один-единственный фонарь. Его холодный, мертвенно-бледный свет выхватил из темноты ржавый борт последнего вагона, который так и не тронулся с места.

Внутри всё ещё галдели, праздная мнимую скорость, Марина всё ещё кричала о «ветре перемен», а Художник рисовал бессмыслицу. Но фонарь светил уже не для них. Он светил для тишины, которая воцарилась там, где когда-то сидела девочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.